

ПОЛИТИКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ

ЛИХАЧЕВ М. А.

Лихачев Максим Александрович — кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия (m.a.likhachev@gmail.com).
ORCID: 0000-0002-7848-5007.

Аннотация

Автор анализирует учение о субъектах международного права и правосубъектности с точки зрения критики международно-правового позитивизма в его исторической динамике. Несмотря на принципиальную важность для понимания права и его ценности, субъектность — одна из самых скомпрометированных правовых конструкций. Среди причин тому — безальтернативное засилье правового позитивизма, утвердившего господство государства, уравнившего суверенность с субъектностью и вытеснившего человека за пределы международно-правового поля. Позитивистская доктрина, направленная против метафизики юриспруденции, в конце концов создала свою мифологичную и сакральную сущность — наделенное волей и собственными интересами государство, создающее международное право для себя и применяющее его по своему усмотрению. Вопреки отстаиваемой естественности такого редуцированного до этатизма порядка, история международного права уверенно свидетельствует об изменчивости круга носителей субъектности, его произвольности и даже в известном смысле рукотворности. Практика твердо подтверждает, что индивидуальные решения о субъектности отдельных сущностей принимались живыми людьми под влиянием их представлений о должном, отдельных обстоятельств и среды в целом. И хотя круг субъектов международного права не расширяется строго линейно, его эволюция продиктована растущим запросом на инклюзивность, когда право обращено к живым сущностям и потребностям ординарной жизни. Объективная заданность как дискурсивный прием натурализации отвлеченных и волюнтаристских конструкций позитивизма открывает путь к угнетению и насилию, утверждению привилегированного статуса одних и инструментализации других. «Природа международного права» не предполагает заданных преград к расширению круга его субъектов. Решение проблемы автор видит в отказе от установления априорного содержания правосубъектности и поиска ее социально-культурного или естественного коррелята. Правосубъектность описывает связи, выстраиваемые ее носителем в сетях взаимодействия с себе подобными и иными, в том числе природными, сущностями. Лишенная заданного содержания и смысла, правосубъектность перформативна: являет себя в точке времени и пространства и актуализирует виртуальное. Задача исследователя — в наблюдении за разворачивающимися связями значимых для международного права сущностей.

Ключевые слова

правосубъектность, субъект международного права, человек, государство, правовой позитивизм, критические теории

Для цитирования: Лихачев М. А. Политики международной правосубъектности и их историческая изменчивость // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2023. Т. 1. № 1. С. 8–25.

<https://doi.org/10.17323/jil.2023.17445>

Введение

Учение о правосубъектности — базис правовой доктрины. Представления о том, кто (что) существует для права в самостоятельном качестве и заслуживает его защиты, формирует понимание права как такового. Теория правосубъектности объясняет, кому (чему) служит право, чьи интересы замечает, а к кому (чему) остается безнадежно равнодушным. История международного права убедительно иллюстрирует такие капризы права, а порой и его слепоту: к сожалению, не всем удавалось снискать его расположение и заполучить место под «международно-правовым» солнцем.

Круг международно-правовых субъектов не только исторически изменчив и обусловлен подозрительно нестабильной «природой международного права», но и произвольно рукотворен, когда решение о том, кому предоставить защиту, определяется наделенными властью людьми под влиянием личных соображений и политического контекста.

В настоящей статье проблема волюнтаризма в международной правосубъектности раскрывается сперва через критику догмы позитивизма — преобладающего дискурса международно-правовой теории и практики XX века. Рожденное правовым позитивизмом учение о субъектности стало *sine qua non* позитивистской картины права: многообразие жизни и ее сущностей сведено к произвольно-строному кругу привилегированных носителей субъективных прав и обязанностей. Настолько, насколько международное право идейно и на практике сопротивляется позитивистской

рамке, настолько правоведа и практики упорствуют в своей решимости втиснуть в эту рамку все международно-правовое.

О таком «гносеологическом насилии» повествует вторая часть статьи, посвященная нескольким значимым для учения о субъектах права делам международных судов. Приведенный анализ не претендует на исчерпывающее описание практики. Да и к репрезентативности отобранного материала у взыскательного читателя могут быть оправданные претензии. Однако хрестоматийность приведенных решений и высокий авторитет их авторов — подспорье в попытке убедить в нелинейности (непоследовательности) и в некотором смысле произвольности представлений о субъектах международного права. Акцент сделан на судебных позициях, сформулированных в XX веке, когда позитивистская теория субъектности явила себя в полный рост.

Завершают изложение несколько замечаний относительно сущности международной субъектности, обусловленных ее непостоянством и зависимостью от политических и даже персональных факторов. Кельзенский тезис об отсутствии у правосубъектности априорного содержания дополнен предложением об отсутствии у международной субъектности содержания как такового. Опровержение ее объективной заданности, а отсюда возможность ее волюнтаристского конструирования, открывает путь к пониманию международной правосубъектности как явления перформативного и реляционного, освобождаемого от политических предрассудков.

Гносеологическую установку представленного анализа составляет не только небезальтернативность правового позитивизма и даже желательность не-позитивистского взгляда, но и так называемые критические теории (англ.: *critical studies*)¹. Такие теории позволяют взглянуть на укорененные представления о «нормальном» и «правильном» — в нашем случае позитивистском — под иным углом. Эти учения противопоставляют бинарной картине мира континуум «природа-культура» (нивелируют традиционную оппозицию «человек-природа»), ниспровергают абсолютизм «социального» (критикуют конструктивистское, заданное, политическое и рукотворное) и утверждают взамен дискретности и линейной, причинно-следственной модальности пост/метамодернистский флюид и спектр (утверждают определенность в бесконечно разнообразной неопределенности). Критические теории — полезный инструмент, используемый не только с целью поставить под сомнение конвенциональный позитивизм и порожденное им учение о субъектах (международного) права, хотя это бы не помешало. Критические теории также помогают взглянуть на устоявшиеся представления о праве, правах и обязанностях, их носителях с иной, порой не совсем привычной, а возможно, даже на первый взгляд непригодной для этого, стороны². При этом гуманизм как парадигма и обусловленный им позитивизм все еще остаются важными отправными точками для любого исследования³.

1. Центризм прав и обязанностей⁴

Сегодня традиционная международная правосубъектность связывается с участием в отношениях, регулируемых международным правом. Классический подход описывает такое участие через обладание правами и обязанностями по международному праву, дополняемое порой возможностью правовой защиты и обеспеченностью юридической ответственности. Строгой последовательности в

¹ В числе критических теорий — постколониализм, неоматериализм, номадизм, аболиционизмы разного толка, постгуманизм, постантропоцентризм, животный поворот (англ.: *animal turn*), посттеоретический поворот (англ.: *anti/post-theory shift*), учение о науке и технологиях (англ.: *science and technology study*) и т. д. См., например, лапидарный анализ таких теорий: Вилисов В. *Постлюбовь. Будущее человеческих интимностей*. М.: АСТ, 2022. См. критику, например: Плакроуз Х., Джеймс Л. *Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого*. М.: Individuum, 2022; Скрутон Р. *Дураки, мошенники и поджигатели: Мыслители новых левых* / пер. с англ. Н. Глазкова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021.

² Апологет вдохновляющей акторно-сетевой теории французский философ-социолог Бруно Латур так писал о критических теориях: «Критические теории отбрасывают архаичное “социальное объяснение” как априори рациональное и аксиоматичное, предлагают взглянуть на проблемы людей снизу вверх, а не сверху вниз, что характерно для “социального объяснения”, борются с “научной объективностью”». См.: Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / пер. с англ. И. Полонской. Под редакцией С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 143.

³ Метафора отправной точки исключительно полезна и точна для передачи идеи: исследование предполагает движение в объектном поле. Причем такое движение неизбежно связано с отдалением, отстранением от «отправной точки». Последняя существует ровно для того, чтоб от нее отдалиться. Так, правовой позитивизм — исходный пункт правового исследования, динамика которого состоит в избавлении от позитивистских условностей и деформаций.

⁴ Для обозначения доминирующего подхода к правосубъектности, выводимой из субъективных прав и обязанностей и прямого международно-правового регулирования *stricto sensu*, более органичным выглядит англоязычный аналог выражению «*rights-and-duties-centrism*» — «центризм прав и обязанностей».

такой позиции достигла советская наука⁵ и унаследовавшая ее методологические и идейные лекала (без существенных модификаций до настоящего времени) российская доктрина⁶. Так, в одной из базовых советских монографий по этому вопросу указывалось:

Общим объективным критерием международной правосубъектности для всех субъектов является юридическая способность к самостоятельным международным действиям, к независимому осуществлению международно-правовых норм, определяющих права и обязанности участников международных отношений⁷.

Через подобную обращенность международно-правового регулирования к претендующей на субъектность сущности, выраженную в маркерах прав и обязанностей, определяется правосубъектность в базовых монографиях по проблеме, выходявших в последние годы. Роланд Портманн в работе «*Legal Personality in International Law*» хотя и отстаивает идею апостериорности субъектности в международном праве и даже заявляет о презумпции, правда опровержимой, международной правосубъектности человека, в конце концов выводит ее через адресность соответствующих норм и правовой статус кандидатов в субъекты⁸. Одна из самых продуктивных исследовательниц проблемы Анн Петерс, отождествляя понятия «субъект» (англ.: *subject*) и «личность» (англ.: *person*), отмечает, что под последним прежде понимались «социальные акторы, которых правопорядок принимает в расчет» (англ.: «*takes into account*»)⁹. Тем не менее далее по тексту ученыя предлагает субстантивный подход к субъектности (англ.: *substantive approach to personality*), во всех случаях связанный со способностью обладать правами и обязанностями¹⁰. Авторитетная энциклопедия Макса Планка также сводит международную правосубъектность к правоспособности как потенциальному набору располагаемых прав и обязанностей¹¹.

На этом фоне разительно выделяются несколько работ. Йанн Нийман для объяснения проблемы наряду с устоявшимися англоязычными вариациями «субъектности» (англ.: *subjectivity; personality*) использует «идентичность» (англ.: *identity*) и прибегает к метафоре «театральной маски» (англ.: *theatrical mask*): «Когда маска сброшена, перед нами либо правовая и политическая черная дыра, либо самостоятельный свободный индивид»¹². Причем «переосмысление природы международного права позволят по-новому осмыслить тех, кто существует “в глазах международного права” в качестве международно-правового лица» (англ.: *international legal person*)¹³. Довершает концепцию метафора голосовых связок (англ.: *vocal cords*), объясняющая правосубъектность через возможность не только быть увиденным (через маски), но и услышанным (через голос) в международном праве¹⁴.

Кейт Парлетт отмечает, что ее подход согласуется с «пониманием международного права как системы правовых норм и, возможно, с теорий правового позитивизма». При этом К. Парлетт

⁵ См., например: Карташкин В. А. *Международная защита прав человека*. М., 1976. С. 203–209; *Курс международного права*. В 6 т. Т. 1. М., 1967. С. 145–166; *Курс международного права*. В 7 т. Т. 1. *Понятие, предмет и система международного права*. М.: Наука, 1989. С. 159–182; Левин Д. Б. *Актуальные проблемы теории международного права*. М., 1974. С. 54–56; Моджорян Л. А. *Основные права и обязанности государств*. М.: Юрид. лит. 1965. С. 10; Усенко Е. Т. *Соотношение категорий международного и национального (внутригосударственного) права* // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 51; Фельдман Д. И., Курдюков Г. И. *Основные тенденции развития международной правосубъектности*. Казань, 1974. С. 108–130; Черниченко С. В. *Личность и международное право*. М., 1974. С. 32–36; Шуршалов В. М. *Международные правоотношения*. М., 1971. С. 76–81.

⁶ См., например: Игнатенко Г. В., Лихачев М. А. *Размышления о современной концепции международной правосубъектности индивида* // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 4. С. 200–212; Ковлер А. И. *Антропология права*. М., 2002. С. 375–398; Кожеуров Я. С. *Проблема международной правосубъектности индивида: дис. канд. юрид. наук*. М., 2001. С. 14–18; Черниченко С. В. *Еще раз о международной правосубъектности индивидов* // Московский журнал международного права. 2005. № 4. С. 11–26.

⁷ *Международная правосубъектность (некоторые вопросы теории)* / под ред. Д. И. Фельдмана. М., 1971. С. 8.

⁸ Portmann R. *Legal Personality in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 3–7, 272–273, 277–281.

⁹ Peters A. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 36.

¹⁰ *Ibid.* P. 37–38.

¹¹ Walter C. *Subjects of International Law* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <https://opil.ouplaw.com/display/10.1093/law/epil/9780199231690/law-9780199231690-e1476> (accessed: 25.03.2023).

¹² Nijman J. E. *The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law*. The Hague, 2004. P. VII–VIII.

¹³ *Ibid.* P. X (курсив мой. — М. Л.).

¹⁴ *Ibid.* P. 457–473. В то же время Й. Нийман сохраняет практичный, пусть и не без разочарования, взгляд на позитивистский уклад международно-правовой практики: «Даже если индивид рассматривается в качестве исконого или первичного субъекта международного права, все еще истинно то, что на международном уровне государства — привычные акторы или субъекты в рутине международной жизни» (англ.: *in the mainstream international life*) (курсив мой. — М. Л.). *Ibid.* P. 458. Одна из видных представительниц постколониальной теории Гаятри Чакраворти Спивак связывает преодоление угнетения и стигмы с признанием способности «говорить» — метафора, описывающая представленность субъекта в обществе. Исследовательница приходит к ожидаемому выводу: «[У]гнетенные не могут говорить». См.: Спивак Ч. Г. *Мозут ли угнетенные говорить* / пер. с англ. Д. Кралечкин. М.: V-A-C Press, 2022. С. 134.

предваряет описание эволюции присутствия человека в международном праве замечанием: «Акцент необходим скорее на способах, посредством которых международное право *замечает* (англ.: *takes account of*) индивидов, чем на субстантивных правах и обязанностях индивидов или их процессуальной правоспособности»¹⁵. Астрид Кйелдгаард-Педерсон, разделяя кельзеновское отрицание априорности правосубъектности, обуславливает субъектность исключительно толкованием норм международного права (причем свободным от презумпций) и предлагает отказаться от ее увязки с «прямыми индивидуальными правами и обязанностями (в соответствии с “модифицированной эггертской” моделью международной правосубъектности)»¹⁶.

С акцентом на права и обязанности ведется дискуссия о правосубъектности не-человеческих персон — животных, природных существ, природы в целом¹⁷. Попытка антропоморфизации не-людей через антропоцентричные права и обязанности во имя *гуманизации* международного права и правовой эмансипации живых существ переключается с предшествующим периодом «индивидуализации» международного права по правозащитным соображениям в XX веке. Тогда правосубъектность индивида увязывалась с его государствоводобием, когда для международно-правового признания ему нужно было дорасти до заданного уровня или же покорно дожидаться снисхождения со стороны государств¹⁸. Ту же логику используют как противники, так и сторонники концепции правосубъектности животных и природы: у не-человеческих существ нет интеллекта, воли, сознания, самостоятельности — чего угодно, в чем они так не похожи на идеал витрувианского человека да Винчи¹⁹.

2. Бремя позитивизма и правовая слепота

Решающий «вклад» в слепоту права к одним существам и одержимость другими внес позитивизм — дитя юридической мысли XIX века, рожденное в ее безнадежных и так не оправдавших себя мучительных попытках подражать естественным наукам²⁰. С позиций международно-правового нарратива во всей его исторической протяженности²¹ позитивистский период — не самый

¹⁵ Parlett K. *The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. P. 7, 10 (курсив мой. — М. Л.).

¹⁶ Kjeldgaard-Pedersen A. *The International Legal Personality of the Individual*. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 230–231. О приобретении правосубъектности через толкование права в теории Г. Кельзена см.: Portmann R. *Op.cit.* P. 174.

¹⁷ См. более подробно, например: Barbosa-Fohmann A. P., Barreto G. A. *Are Human Beings with Extreme Mental Disabilities and Animals Comparable? An Account of Personality // Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn* / A. Kurki, T. Pietrzykowski (eds.). Springer, 2017. P. 127–141; Boyd D. R. *The Rights of Nature: A Legal Revolution that Could Save the World*. Toronto : EWC Press, 2017; Kauffman C. M., Martin P. L. *Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand // Global Environmental Politics*. 2018. Vol. 18. № 4. P. 43–62; Kauffman C. M., Sheehan L. *The Rights of Nature: Guiding our Responsibilities through Standards // Environmental Rights: The Development of Standards* / S. Turner et al. (eds.) Cambridge : Cambridge University Press, 2019. P. 343; O'Donnell E. *Legal Rights for Rivers: Competition, Collaboration and Water Governance*. London and New York : Routledge, 2020; Peters A. *Toward International Animal Rights // Studies in Global Animal Law* / A. Peters (ed.). Berlin : Springer One. 2020. P. 109–120. См. также обзор позиций по правосубъектности природы: Jones E. *Posthuman International Law and the Rights of Nature // Journal of Human Rights and the Environment*. 2021. Vol. 12. Special Issue. P. 76–102.

¹⁸ Самая распространенная модель рассуждений: человек не субъект международного права, поскольку не участвует наравне с государствами в международном нормотворчестве, не всегда способен собственными действиями защищать свои права, не обладает необходимой самостоятельностью, автономностью или даже суверенностью; не является публичным или коллективным образованием, всецело зависим в международной активности от государства: см. сноску 5. Более подробно о теории признания субъектности государствами см.: Portmann. *Op.cit.* P. 80–99; см. также: Daillier P., Pellet A. *Droit International Public*. 5th edition. Paris : L.G.D.J. 1994. P. 395; 551; Kolb R. *Une observation sur la détermination de la subjectivité internationale // Zeitschrift für öffentliches Recht*. 1997. № 52. P. 115–125; Tomuschat C. *International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century. General Course on Public International Law // Recueil des cours de l'académie de droit international*. 1999. Vol. 281. P. 133–259.

¹⁹ О методологической порочности и ценностной ограниченности такого *компенсаторного гуманизма* в рамках «гуманизации» не-человеческого убедительно пишет философ Роззи Брайдотти, предлагающая в качестве альтернативы идею гостеприимства (англ.: *hospitality*). См.: Braidotti R. *The Posthuman. Polity*, 2013. P. 76–81. Об идее гостеприимства см. также: Аристархова И. *Гостеприимство матрицы: Философия, биомедицина, культура* / пер. с англ. Д. Жайворонка. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2017. С. 63–74; *Опыты нечеловеческого гостеприимства* / под ред. М. Крамар, К. Саркисов. М.: V-A-C press, 2018; об идее экологии самостей, переосмысление которой в международно-правовых терминах может описывать характер взаимодействия субъектов международного права (в противовес иерархическим теориям), см., например: Кон Э. *Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека* / пер. с англ. А. Боровиковой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 79.

²⁰ Подробнее о подражании естественным наукам и сциентизации прежде метафизической юриспруденции см.: Hall S. *The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism // European Journal of International Law*. 2001. Vol. 12. № 2. P. 269–307.

²¹ Намеренно избегаю здесь использования термина «*international law*», впервые предложенного Джереми Бентамом в работе «*Introduction to the Principles of Morals and Law*» 1790 года (Bentham J. *Introduction to the Principles of Morals and Law*. 1823 [1790]. P. 260–261). Хотя очевидно, что круг проблем, который сегодня составляет предмет науки международного права и соответствующий им свод правил, обсуждался *avant la lettre* — задолго до зарождения современной государственности (XIV–XVI века) и утверждения самостоятельной области международно-правового знания (XV–XVII века). Традиционно

продолжительный и успешный. Расцвет этой теории приходится на XIX столетие — уже начало XX века ознаменовалось переосмыслением искажений позитивистской картины на фоне ренессанса естественно-правового учения²². Парадоксально, но насильно имплементированный в международное право юспозитивизм, едва успев закрепиться, почти сразу подвергся ревизии. Однако это не помешало ему прочно укорениться в международно-правовой практике и по сей день под разными масками служить исходной точкой в анализе любого международно-правового вопроса²³.

Сконструированный правовой позитивизм обрел характер доксы и эпистемы в актуальном (по-прежнему преимущественно модернистском) юридическом знании и практике²⁴. Критикуя конструктивизм научной теории, Виктор Вилисов отмечает, что «[п]о сути когнитивистская эпистема — это анти-эпистема, поскольку в конечном итоге... приводит к абсолютному не-знанию... [и] все знание сводит к вычислению, а несводимое — обесценивает»²⁵. Среди «несводимого» в начале XIX века оказался человек, решительно замещенный в международно-правовой теории государством. К этому приложили руку Генрих Трипель и Георг Еллинек, втиснувшие международное право в прокрустово ложе позитивистского учения Джона Остина²⁶. Георг Еллинек обнаружил эмпирическое основание международного права в автолимитации государственного суверенитета. Такое сведение всего международно-правового к неограниченной воле государства обернулось отрицанием самого международного права: «государство [стало] выше любой правовой нормы», а «международное право существует для государств, а не наоборот»²⁷. Генрих Трипель смягчил позицию предшественника, предложив взамен неограниченному волюнтаризму государств их общую волю, создающую международное право²⁸.

Все же на рубеже XIX–XX веков поражение метафизики естественного права в противостоянии с позитивизмом не было столь очевидно. Тем не менее в 1926 году преобладающие настроения выразила американо-мексиканская комиссия, работавшая в 1924–1934 годах по спорам в связи с Мексиканской революцией:

Естественное право могло бы быть полезным каких-то три столетия назад при создании нового права наций, и концепция неотъемлемых прав человека и народов могла бы оздоравливающе повлиять каких-то 150 лет назад на развитие современной демократии по обе стороны океана; однако эти концепции оказались несостоятельными

зарождение международно-правовой мысли *stricto sensu* связывают с именами Франсиско де Витории (1486–1546), Франсиско Суареса (1548–1617), Альберико Жентили (1552–1608). Подробнее об этом см.: Koskenniemi M. *To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300–1870*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 117–347, 679–682; Grewe W. G. *The Epochs of International Law*. Berlin ; New York, 2000. P. 28–29, 187–196, 503–510. Особо отмечу критику «мифа гроцианской традиции» общепризнанного отца-основателя науки международного права Гуго Гроция (1583–1645) немецким историком Вильгельмом Гревэ. См.: *Ibid.* P. 192–194.

²² Доступно кризис позитивизма иллюстрирует Й. Нийман, анализирующая переосмысление международной правосубъектности и места человека в международном праве в трудах Джеймса Брайерли, Ганса Кельзена и Жоржа Сселя, чуть позже Херша Лаутерпахта — идейного вдохновителя Нюрнбергского трибунала. См.: Nijman J. E. *The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law*. The Hague, 2004. P. 115–131, 297–325.

²³ Профессор Майкл Вуд, открывая свой общий курс на Летней школе по международному праву московского Центра международных и сравнительно-правовых исследований в августе 2020 года, заявил, что, вопреки доктринальному разнообразию и объективной слабости традиционного позитивизма, любой практикующий в международно-правовой области должен оставаться в первую очередь позитивистом. См.: Wood M. *International Law in Practice // Courses of the Summer School on Public International Law*. Vol. 11. Moscow, 2022. P. 14–16. URL: https://icrc.ru/storage/publication_pdf/SSPIL-2020_11_Sir-Michael-Wood_1649164344.pdf (accessed: 25.03.2023). Аналогичный подход — в ответе Рене-Жана Дюпюи, критика безальтернативного позитивизма, в интервью Антонио Кассезе. См.: Cassese A. *Five Masters of International Law: Conversations with R-J Dupuy, E Jiménez de Aréchaga, R Jennings, L Henkin and O Schachter*. Hart Publishing, 2011. P. 20. См. также: материалы симпозиума, посвященного знаковой статье Проспера Вэля и критике позитивизма в XXI веке: Prosper Weil, «Towards Relative Normativity in International Law?»: *Symposium, American Journal of International Law, March 2020*. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-journal-of-international-law/ajil-unbound-by-symposium/prosper-weil-towards-relative-normativity-in-international-law> (accessed: 25.03.2023); Weil P. *Towards Relative Normativity in International Law? // American Journal of International Law*. 1983. Vol. 77. № 3. P. 413–442.

²⁴ Докса — общепринятый нормативный образ мысли, общепризнанное мнение, конвенциональное знание. См., например: Braidotti R. *Ibid.* P. 104. Создатель учения об эпистеме Мишель Фуко определял ее как «аппарат», который делает возможным не отделение истинного от ложного, а отделение от того, что не может быть охарактеризовано в качестве научного». См.: Foucault M. *Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972–1977*. New York : Pantheon, 1980. P. 197.

²⁵ Вилисов В. Указ. соч. С. 78–79.

²⁶ Международники того времени, отчаянно бегущие от опальной метафизики прежней юриспруденции, не могли смириться с присвоенным Дж. Остином всему международному ярлыком «позитивной морали» (англ.: *law of positive morality*). См.: Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined*. London : John Murray, Albemarle Street, 1832; см. также: Hall S. *Op.cit.* P. 274–276, 279–284; Portmann R. *Legal Personality in International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 57–62.

²⁷ Jellinek G. *Allgemeine Staatslehre: Manuldruck*. 3rd ed. Heidelberg : Springer Berlin, 1914. P. 377.

²⁸ Grewe W. G. *Op.cit.* P. 505–506; о вариациях раннего международно-правового позитивизма в трактовках Карла фон Гербера, Пауля Лабанда, Карла Бергбома, Карла Биндинга см.: Portmann R. *Op.cit.* P. 57–62.

в качестве долговременного основания национального или международного права и не могут сегодня заменить ни позитивного национального права, ни позитивного международного права, признаваемого нациями и правительствами посредством их актов и заявлений²⁹.

Современник приведенной позиции и последовательный противник этатизма Джеймс Брайерли критиковал идеи Эмера де Ваттеля, гипертрофировавшего независимость государства и сакрализовавшего его исключительную субъектность³⁰. Именно Э. де Ваттель в числе первых обосновал наличие у государства международно-правового намерения (фр.: *entendement*) и собственной воли (фр.: *volonté propre*)³¹.

Позитивисты XIX — начала XX веков пошли еще дальше: Отто фон Гирке в рамках своей органической теории реифицировал, то есть материализовал, государство: из абстрактной ценности, гегелевского Абсолюта и объективной исторической данности — «поступи Бога на земле»³² — государство преобразилось в реальную, осязаемую субстанцию, наделенную телом и духом, а «общественная жизнь [становилась] [жизнью] высшего порядка, к которой присоединяются индивидуальные жизни»³³. Другой немецкий философ-публицист Франц Константин в учении о *физиологии* государства рассуждал о его биологической «жизни», «физиологических законах», «теле как самобытном целом» и связи с «землей»³⁴. Воля и богоподобная телесность — прежде в христианской догме уникальное свойство человека, объясняющее его греховность и ответственность на Страшном суде. Теперь же в консенсуалистском варианте позитивизма воля атрибутирована государству, а в международно-правовой сфере даже узурпирована и монополизирована им: государственная воля создает международное право и его субъектов, а потому юридически значима лишь она³⁵.

В правовом позитивизме государство не просто явило себя в качестве субстанции высшего порядка: оно вытеснило человека из области международно-правового, заменило его собой, присвоив себе антропоморфную плоть и душу: социальное (позитивно-правовое) объявлено природным (а потому естественным, разумным и безальтернативным), а природное хищнически поглощено социальным³⁶. Изгнанный таким образом на международно-правовые задворки человек полностью подчинен государству, уподобленному человеку.

3. Позитивизм и произвольные политики субъектности

Способно ли международное право наконец обратить свой взор на тех, кого столько времени не замечало? Есть ли тому онтологические, концептуальные, политические препятствия? Станет ли право каким-то иным, если преодолеет вызванную позитивизмом слепоту?

Главное, если не единственное, препятствие к прозрению — правовой позитивизм, породивший учение о субъектах права *stricto sensu*. Насколько представления о правосубъектности обусловлены позитивистским пониманием права, настолько они необходимы для него: без строгой теории субъектности не будет позитивизма, а в отсутствие последнего нет надобности волонтаристски очерчивать круг привилегированных участников отношений и заботливо оберегать их статус от других, желающих заполучить правовое признание. «Личность права народов» (лат.: *persona jure gentium*) введена в научный оборот Готфридом Лейбницем (1646–1716). Автор теории о монадах (простых

²⁹ *North American Dredging Company of Texas (USA) v. Mexico*. Decision of 31 March 1926 // Reports of International Arbitral Awards. 1926. Vol. IV. § 12. URL: https://legal.un.org/riaa/cases/vol_IV/26-35.pdf (accessed: 25.03.2023).

³⁰ «Ваттель нанес международному праву ущерб, который еще предстоит компенсировать». См.: Brierly J. L. *The Law of Nations: An Introduction to the International Law of Peace*. Oxford : Oxford University Press, 1964 [1928]. P. 31–33; см. также: Brierly's *Law of Nations*. 7th edition / ed. by A. Clapham. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 39–40. Й. Нийман к числу сторонников такой же оценки наследия Ваттеля относит голландского юриста Корнелиса ван Фолленховена. См.: Nijman J. E. *Op.cit.* P. 136.

³¹ См.: Portmann R. *Op.cit.* P. 35–37; см. также: Vattel E. de. *Le Droit des Gens, ou Principes de la Loi Naturelle, appliqués à la Conduite aux Affaires des Nations et des Souverains*. Washington : The Carnegie Institute of Washington, 1916.

³² Hegel G. W. F. *The Philosophy of Right*. 1967. P. 279, 285.

³³ Gierke O. von. *Das Wesen der menschlichen Verbände*. 1902. P. 10.

URL: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb11127177?page=20> (accessed: 25.03.2023).

³⁴ Константин Ф. *Общие начала физиологии государства* / пер. с нем. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012 [репринт издания 1870].

³⁵ О воле и достоинстве см.: Толстых В. Л. *Ренессансное понимание достоинства и его влияние на современную концепцию прав человека* // Правоведение. 2016. № 2. С. 48–61; Арановский К. В., Князев С. Д. *Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений*. М. : Проспект, 2016. С. 35–40;

³⁶ Б. Латур называл конструкты «общества» и «природы» в модернистской картине мире «уродцами-близнецами, созданными, чтобы задушить саму возможность собирания коллектива» (коллективы, по Латуру — альтернативы априорным социальным структурам), заключив: «Вслед за природой должно уйти общество... понятия “общество” и “природа” не описывают сфер реальности, — это два коллектора, придуманных в паре в XVII веке». См.: Латур Б. *Указ. соч.* С. 155, 230.

неделимых субстанциях) переложил представления о единично-исходном на материал *jus gentium*: его *persona* «наделена публичной свободой, а потому не подчинена покровительству или власти кого бы то ни было и сама по себе воплощает власть войны и мира»³⁷.

В своей идее Г. Лейбниц руководствовался не только научным интересом, но и политическими соображениями. Ученый около полувека служил при дворе германских принцев, в XVII–XVIII веках отстаивавших право на территориальное верховенство и высшее политическое представительство в отношениях с императором Священной Римской империи и французскими монархами. Концепция субъектности призвана была легитимировать такие притязания влиятельных патронов³⁸. Рожденное для целей политического противостояния, учение о субъектах права и впредь будет использоваться как инструмент поддержания власти и подчинения. В этом смысле уместно рассуждать о разных в зависимости от социально-исторического и политического контекстов *политиках субъектности*, оформляющих представления и властные решения относительно круга сущностей, подлежащих защите в праве.

В свете политик субъектности иначе предстают возражения критиков расширения ее носителей с отсылками к природе права, здравому смыслу, разумному порядку³⁹. Такой биологический детерминизм, соединенный со сциентизмом, и вдохновленный ими правовой позитивизм — удобные «упаковки» для претворения волюнтаристских решений и разного рода политик под видом «здорового», «нормального», «естественного». «Оберегая» от метафизики объективных универсалий и априорных построений, подобные теории якобы подчиняют нас логике «холодных фактов» и «социального объяснения». Однако Б. Латур увещевал: «Мы должны помнить, что быть фактом — это не “естественный” модус существования, а, как ни странно, антропоморфизм». По его мнению, «социальные науки склонны создавать более яркую имитацию блеклой и пустой сферы науки, заполненной неоспоримыми фактами и жесткой цепью причинно-следственных связей»⁴⁰.

Рукотворность международно-правового дискурса метко описана Мартти Коскенниemi в конструкции правового воображения (англ.: *legal imagination*) — «формы институционализированного действия, исполняемого посредством авторитетного использования языка в контексте противоречий». Важнейшей техникой такого *воображения* выступают так называемые поделки (фр.: *bricolage*)⁴¹. Один из популярных словарей французского языка толкует «*bricolage*» как «интеллектуальный труд в форме *импровизации*, подчиненной *обстоятельствам*»⁴². В такой трактовке международно-правовой дискурс предстает инструментом разрешения политических разногласий с целью сохранения власти одних и подчинения других. Достигается это путем конструирования и легитимации правовых идиом как авторитарных языковых средств⁴³; причем такая работа ведется целенаправленно, осознанно, с учетом контекста и желаемого результата. Разуверившись в преодолении цикличности и замкнутости правовой аргументации в ее переходе от апологии к утопии и обратно⁴⁴, М. Коскенниemi «сдался»: позитивное право творит человек, чаще всего не самый честный, аккуратный и достойный⁴⁵.

³⁷ Leibniz G. W. *Codex Juris Gentium diplomaticus* // Leibniz Political Writing / ed. by P. Riley. Cambridge : Cambridge University Press, 1989. P. 175.

³⁸ Усилия германского философа в этой части увенчались успехом: как минимум известно о влиянии идей Лейбница на ход мирных переговоров в Неймегене в 1677–1679 годах в бытность при дворе принца Брауншвейг-Люнебургского. См.: Jones J. W. *Leibniz as International Lawyer* // British Yearbook of International Law. 1945. Vol. 22. P. 1–10.

³⁹ Например, в числе ключевых аргументов против признания субъектом международного права сперва международных организаций, а позже и физических лиц в советской доктрине международного права приводилась именно сама суть международного права, якобы существующего исключительно в этатистской парадигме. Так, Л. А. Моджорян предупреждала, что признание международных организаций субъектом международного права посягнет на устои международного права: «Попытки присвоить ООН и тем более другим международным организациям статус субъекта международного права умаляют суверенитет государств и придают межгосударственным организациям характер “внешнегосударственных” или даже “сверхгосударственных” органов». См.: Моджорян Л. А. *Основные права и обязанности государств*. М., 1965. С. 32. В советском классическом «Курсе международного права» в 6 томах в томе I заявлялось: «Как только государства предоставят индивиду возможность обжаловать постановления своих государств в международном органе [что тогда связывалось с признанием субъектности человека], государство прекратит свое существование как правовое сообщество с полным самоуправлением». См.: *Курс международного права*. В 6 т. Т. 1. М., 1967. С. 166.

⁴⁰ Латур Б. *Указ. соч.* С. 350.

⁴¹ Koskenniemi M. *Op.cit.* P. 2–8.

⁴² *Le Robert Collège*. Paris, 1997 (курсив мой. — М. Л.).

⁴³ Описание истории международно-правовой мысли М. Коскенниemi строит вокруг двух базовых идей — суверенитета и собственности. По его мнению, правовые идиомы решают две задачи: 1) разработки конституционной архитектуры, одновременно устанавливающей и ограничивающей суверенитет, 2) определение и распределение прав собственности, лежащих в основе структурных иерархий, в рамках которых суверенитет и проявляет себя. См.: Koskenniemi M. *Op.cit.* P. 11.

⁴⁴ Koskenniemi M. *From Apology to Utopia: the Structure of International Legal Argument. Reissue with a new Epilogue*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 17–23.

⁴⁵ С такой же непринужденностью Бруно Латур рассуждает о производстве знания путем (пере)сборки социального в «отчете» исследователя, чаще всего текстовом. См.: Латур Б. *Указ. соч.* С. 171–197.

Круг субъектов международного права, в позитивистском ключе определенный «природой» регулируемых отношений, в хронологическом разрезе оказывается не только изменчивым (чаще всего стремясь к расширению), но и нестабильным. Как в XIX веке лишили человека привилегии «быть» в международном праве, так же, пусть и не без сложностей, его туда вернули во второй половине XX века. И то ли это капризы «природы» международного права, то ли банальный волюнтаризм лиц, принимающих решения.

Учение о праве Древнего Рима — *ratio scripta* современной юриспруденции⁴⁶ — хотя и не знало модернистского субъекта права, все же распространялось на разные сущности, в том числе не-человеческие. Так, римский юрист Ульпиан (III век нашей эры), признавая за *ius gentium* роль общечеловеческого *ius naturale*, в последнем видел право, общее для всех живых существ: «право народов соблюдают все люди... в то время как естественное право — общее для всех животных»⁴⁷.

Само древнеримское *ius gentium*, рожденное как право иностранцев (перегринов), первоначально было ближе к тому, что сегодня называется частным правом. Однако это не помешало его стремительной эволюции сперва в сторону права общечеловеческого как правопорядка всех народов и для всех людей (отсюда естественно-правовые основания средневекового *ius gentium*), а позже трансформации в право публичных отношений между политическими образованиями⁴⁸.

Исидор Севильский (VI–VII века) отличал *ius naturale divinum*, общее для всех природных существ, от человеческих форм правопорядка — *ius civile* и *ius gentium*⁴⁹. Фома Аквинский (1224–1274) объяснял *ius gentium* как продукт человеческой истории в отличие от *ius naturale*⁵⁰. Много позже, на заре концептуализации государства как самостоятельной, деперсонифицированной сущности, представитель саламанкской школы Диего де Коваррубиас-и-Лейва (1512–1577), последователь учения Франсиско де Витория, определял естественное право как «инстинктивное», «общее для всех животных»⁵¹.

Не большей последовательностью отличалась международная практика и после того, как правовой позитивизм, суливший определенность в правовых оценках, утвердился в качестве доминирующей методологической и юридико-технологической оптики. В классическом позитивизме субъект рассматривается в качестве подчиненного правопорядку, создаваемого сувереном⁵². Герберт Харт в числе оснований права указывал подчинение обывателя первичным предписаниям (англ.: *obedience*)⁵³. Таких подчиненных субъектов имел в виду и Джон Остин, выстраивая свою теорию позитивного права как систему «приказов, обязывающих человека или людей или обязывающих воздержаться от определенного поведения», причем «значительная часть общества имеет привычку подчиняться или повиноваться конкретному и общему вышестоящему [суверену]...»⁵⁴.

В таком ключе выстроена позиция Постоянной палаты международного правосудия (далее — ПМП, Палата) по спору об уголовной юрисдикции между Францией и Турцией в 1927 году. Названная по имени французского судна формула Лотоса — догма международно-правового позитивизма:

Международное право регулирует отношения между независимыми государствами. Нормы этого права, обязательные для государств, таким образом, проистекают из их собственной и свободной воли, выраженной в конвенциях и обыкновениях, всеобщих признанных в качестве закрепляющих принципы права...⁵⁵

Еще в 1924 году по итогам разрешения спора между Грецией и Великобританией о палестинских концессиях Палата закрепила другую важную формулу, позже названную по имени греческого предпринимателя Мавромматиса (одного из участников конфликта). Дело касалось дипломатической

⁴⁶ Lesaffer R. *Argument from Roman Law in Current International Law: Occupation and Acquisitive Prescription* // European Journal of International Law. 2005. Vol. 16. № 1. P. 33, 37, 57.

⁴⁷ Greene R. A. *Instinct of Nature: Natural Law, Synderesis, and the Moral Sense* // Journal of the History of Ideas. Vol. 58. 1997. № 2. P. 173–198. URL: <https://doi.org/10.2307/3653865> (accessed: 25.03.2023).

⁴⁸ Более подробно об наследии *ius gentium* в международном праве см., например: Lesaffer R. *Roman Law and the Intellectual History of International Law* // The Oxford Handbook of the History of International Law / ed. by A. Orford, F. Hoffman. Oxford : Oxford University Press. 2016. P. 41–45.

⁴⁹ Koskeniemi M. *To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300–1870*. Cambridge : Cambridge University Press, 2021. P. 75–76.

⁵⁰ *Ibid.* P. 84–85.

⁵¹ *Ibid.* P. 127.

⁵² В этом смысле многое говорит значение английского *subject* — это и «субъект», и «подчинять».

⁵³ Наряду с принятием вторичных предписаний (о признании, изменении и адьюдикации) официальными лицами (англ.: *acceptance*). См.: Hart H. L. A. *The Concept of Law*. 3rd edition. Oxford : Oxford University Press. 2012 [1961]. P. 166–118.

⁵⁴ Austin J. *Op. cit.* P. 29, 166.

⁵⁵ PCIJ. *The Case of the S.S. "Lotus" (France v. Turkey)*. Judgment of 7 September 1927. § III.

защиты и последствий выступления одного государства против другого в интересах своего гражданина:

Первоначально спор был между частным лицом и государством... Позже спор перешел на новый уровень — международного права, и стал спором между двумя государствами... Принимая сторону одного из своих субъектов и обращаясь к дипломатическим действиям или международной судебной процедуре в его интересах, государство на самом деле защищает свои собственные права... С этой точки зрения не имеет значения тот факт, как в настоящем деле, что [межгосударственный] спор происходит из вреда частному интересу⁵⁶.

ППМП не сослалась на правосубъектность *eo nomine*, но речь в решении шла о носителях прав и обязанностей по международному праву и об инициаторах и бенефициарах режима международно-правовой защиты — о классических для позитивизма маркерах правосубъектности⁵⁷. Очевидно, человеку в таковой было отказано.

На долгие десятилетия в международном праве формулы Лотоса и Мавромматиса будут определять его межгосударственную природу и подчиненное государству положение человека. Международная правосубъектность будет четко связана с обладанием правами и обязанностями по международному праву, зависимыми от воли государств. Однако в этот же период, в 1928 году, по делу о праве данцигских рабочих на основе межгосударственного соглашения предъявлять требования государству (Польше) Палата допустила возможность обращения частных лиц к международно-правовой защите:

Можно решительно принять то, что, согласно прочно установившемуся принципу международного права, [польско-данцигский договор 1921 года], являясь международным соглашением, не может как таковой создать прямые права и обязанности для частных индивидов. Однако нельзя отрицать того, что самим предметом международного соглашения, в соответствии с намерением договаривающихся сторон, может быть принятие определенных правил, создающих индивидуальные права и обязанности [для частных лиц], обеспечиваемые национальными судами⁵⁸.

И хотя Палата в качестве общего правила исключила физических лиц из прямого международно-правового регулирования, все же она допустила обратное в случае недвусмысленного намерения государств к тому.

Что могло побудить Палату пересмотреть сформулированную четыре года назад (дело *Мавромматиса*) и подтвержденную годом ранее (дело *Лотоса*) позицию? Ровным счетом ничего из не зависящего от судей: наделенные властью правосудия лица приняли такое решение.

⁵⁶ PCIJ. *The Mavrommatis Palestine Concessions* (Greece v. UK). Judgment of 30 August 1924. § I (курсив мой. — М. Л.).

⁵⁷ Обратите внимание на нерешительность международных судов в буквальном использовании категории «субъект международного права», «международная правосубъектность». См., например: PCIJ. *The Mavrommatis Palestine Concessions* (Greece v. UK). Judgment of 30 August 1924. § I; ICJ. *LaGrand Case (Germany v. United States)*. Judgment of 27 June 2001. То же самое верно и в отношении других, идейно нагруженных терминов («источник права», «международный обычай», *jus cogens*, «общий принцип права»), которые неизбежно несут двусмысленные семантические и ценностные коннотации. В то же время такая практика подтверждает позицию тех, кто предлагает вовсе отказаться от категории (международной) правосубъектности в пользу контекстуально определяемых идиом или других, не обремененных колониальным и дискриминационным шлейфом терминов («участник», «актор», «агент», «актант»). См. про отказ от категории: Walter C. *Subjects of International Law* // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. § 30–31; о пустой категории (англ.: *empty notion*) см.: Mejknecht A. *Towards International Personality: The Position of Minorities and Indigenous People in International Law*. Antwerpen : Intersentia. 2011. P. 31; о бесполезной категории (англ.: *useless concept*): Mazzeschi R. P. *Impact on the Law of Diplomatic Protection* // *The Impact of Human Rights Law on General International Law* / ed. by M. T. Kamminga, M. Scheinin. Oxford : Oxford University Press, 2009. P. 214–215; см. обзор позиций: Peters A. *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*. Cambridge : Cambridge University Press, 2016. P. 38–41. См. также про несостоятельность категории «субъекта международного права»: Barbara C. *International Legal Personality: Panacea or Pandemonium? Theorizing About the Individual and the State in the Era of Globalization* // *Austrian Review of International and European Law*. 2007. Vol. 12. № 17. P. 23; Soirila U. *Persons and Things in International Law and «Law of Humanity»* // *German Law Journal*. 2017. Vol. 18. № 5. P. 1169; Esposito R. *The Dispositif of the Person* // *Law, Culture and the Humanities*. 2012. Vol. 8. № 1. P. 17–30. Представителя *New Haven School* взамен «субъекта международного права» предложили «участника международных отношений» — самые яркие представители школы: McDougal M. S., Reisman W. M. *“The Changing Structure of International Law”: Unchanging Theory for Inquiry* // *Columbia Law Review*. 1965. № 65. P. 810–835; McDougal M. S. *International Law, Power, and Policy: A Contemporary Conception* // *Recueil des cours de l'académie de droit international*. 1953. Vol. 82. P. 133–259; McDougal M. S., Lasswell H. D., Reisman W. M. *The World Constitutive Process of Authoritative Decision* // *The Future of the International Legal Order*. Vol. I: Trends and Patterns / ed. by R. A. Falk, C. E. Black. Princeton University Press, 1969. P. 73–154; McDougal M. S., Lasswell H. D., Chen L. *Human Rights and World Public Order: The Basic Policies of an International Law of Human Dignity*. New Haven and London : Yale University Press, 1980; Higgins R. *Problems and Process: International Law and How we Use it*. Oxford : Clarendon Press, 1994; Higgins R. *Conceptual Thinking about the Individual in International Law* // *International Law: A Contemporary Perspective* / ed. by R. Falk, F. Kratochwil, S. H. Mendlovitz. London : Westview Press, 1985. P. 476–494.

⁵⁸ PCIJ. *Jurisdiction of the Courts of Danzig (Pecuniary Claims of Danzig Railway Officials who have Passed into the Polish Service, against the Polish Railways Administration)*. Advisory Opinion of 3 March 1928. P. 17–18.

Последующие объяснения автора текста консультативного заключения и тогдашнего Президента Постоянной палаты международного правосудия Дионисио Анцилотти только усиливают ощущение своевольности и рукотворности позиции:

ППМП не говорит о том, что договор как таковой может создавать права и обязанности для индивидов вне необходимой инкорпорации норм и связанных с ними явлений во внутреннее право; Палата лишь говорит, что намерением договаривающихся сторон может быть принятие конкретных правил, создающих права и обязанности для индивидов и подлежащие применению национальными судами⁵⁹.

Как Д. Анцилотти ни увещевал романтиков от права против поспешных выводов относительно места человека в межгосударственной системе, было уже слишком поздно: охладить пыл индивидуалистов-натуралистов не удалось, ведь многие уже тогда воспринимали позицию Палаты закономерной, справедливой и оправданной требованиями здравого рассудка⁶⁰.

В такой же неожиданной (как минимум для Израиля) логике рассуждал Международный Суд (далее — МС, Суд) в консультативном заключении 1949 года по делу *графа Бернадота*⁶¹. Рассматривая вопрос о субъектности международной организации, Суд заключил:

Субъекты международного права *не обязательно одинаковы* по природе и объему прав, и их природа *зависит от потребностей международного сообщества*. В течение своей истории развитие международного права было продиктовано *требованиями международной жизни*, [породившей] примеры действий на международной арене иных образований, кроме государств⁶².

Международный Суд, будто оправдываясь, успокоил скептиков-консерваторов: «...Организация — субъект права. Это не то же самое, что заявить, что она является государством. Очевидно, что это не так...»⁶³. По мнению Суда, в то время как государства обладают всем объемом международных прав и обязанностей, признаваемых международным правом, права и обязанности международной организации зависят от ее целей и функции, сформулированных в ее учредительных документах и развитых в практике.

Едва ли ссылка на «потребности международного сообщества» и «требования международной жизни» может убедить в объективных основаниях принятого судьями решения и его обусловленности «природой международного права». В деле *братьев ЛаГранд* 2001 года Суду не понадобилось что бы то ни было из перечисленного — «объективное» и «социальное» — для вывода об обладании человека прямыми правами на основе межгосударственного соглашения. В духе правовой герметичности, очевидно вдохновленной кельзеновским *должным* (англ.: *ought*), противопоставленным *сущему* (англ.: *is*)⁶⁴, Международный суд ограничился формально-юридическим анализом положений межгосударственного соглашения:

Статья 36, пункт 1(b) закрепляет *обязательства* государства пребывания *в отношении задержанного лица* и представляемого государства. Она указывает, что по просьбе задержанного лица государство пребывания обязано проинформировать консульское учреждение представляемого государства о задержании гражданина незамедлительно... Примечательно, что [пункт 1(b)] завершается следующей формулировкой: «Указанные власти проинформируют лицо, которого это касается, без промедления *о его праве* в соответствии с настоящим пунктом...».

⁵⁹ Anzilotti D. *Cours de droit International*. Paris : Librairie de Recueil Sirey, 1929. P. 133–134, 407–408.

⁶⁰ См.: McCorquodale R. *The Individual and the International Legal System // International Law I* ed. by M. Evans. 2nd ed. Oxford : Oxford University Press, 2006. P. 307, 312; Vazquez C. M. *Treaty Based Rights and Remedies of Individuals // Columbian Law Review*. 1992. № 92. P. 1087; Menon P. K. *The International Personality of Individuals in International Law: A Broadening of the Traditional Doctrine // Journal of Transnational Law and Policy*. 1992. № 1. P. 163–164; Lauterpacht H. *The Subjects of the Law of Nations. Part I // Law Quarterly Review*. 1947. Vol. 63. Issue 4. P. 456–460; Idem. *The Subjects of the Law of Nations. Part II // Law Quarterly Review*. 1948. Vol. 64. P. 97–99.

⁶¹ ICJ. *Reparations for Injuries Suffered in the Services of the United Nations*. Advisory Opinion of 11 April 1949. Граф Фольке Бернадот (1895–1948) — шведский гражданин, убитый в Израиле в 1948 году во время выполнения полномочий миротворческого посредника от имени ООН в рамках арабо-израильского урегулирования. Наряду со значительными политическими последствиями ситуация поставила вопрос об ответственности Израиля за причинение вреда служащему ООН — международной организации — и о правомочности последней предъявлять требования о компенсации государству.

⁶² *Ibid*. P. 7–8 (курсив мой. — М. Л.).

⁶³ *Ibid* (курсив мой. — М. Л.).

⁶⁴ Ганс Кельзен настаивал на том, что право — область должного, а не сущего (дихотомия *ought/is*), а правовой анализ более заботит постулирование правовой идеи, нежели исторические, социологические или психологические аспекты реальности: «Если вообразить, каким образом состояние фактическое преобразуется в состояние правовое, невозможно найти ничего оправдывающего такой переход в собственно фактическом». См.: Kelsen H. *La Naissance de l'État et la Formation de sa Nationalité: Les Principes et leur Application au Cas de la Tchécoslovaquie // Revue de Droit International*. 1929. № 4. P. 615, 617. См. также: Portmann R. *Op.cit.* P. 197–204.

Однозначность указанных положений в их контексте не вызывает сомнений. Отсюда, как было указано в ряде случаев, Суд должен применить [эти положения] в их буквальном смысле...⁶⁵

Однако в 2012 году тот же формально-юридический метод не позволил Международному Суду отказать в иммунитете государству, допустившему нарушение норм *jus cogens* (запрет военных преступлений) в отношении людей. В деле о юрисдикционных иммунитетах государства Суд указал:

Принимая в расчет, что нормы права вооруженных конфликтов, запрещающие убийство гражданских лиц на оккупированной территории, депортацию гражданского населения в целях использования их рабского труда и депортацию военнопленных в целях использования их рабского труда, являются нормами *jus cogens*, не существует противоречия между такими нормами и нормами об иммунитете государства. Эти две группы норм регулируют разные вопросы. Нормы об иммунитете государства процессуальны по своей природе и их применение ограничивается определением того, обладает ли суд отдельного государства юрисдикцией в отношении другого государства. Эти нормы не имеют значения для установления того, правомерно или нет поведение [государства], в отношении которого инициировано разбирательство⁶⁶.

Очевидно, субъектности государства в очередной раз был отдан приоритет над субъектностью человека⁶⁷.

Уникальным в рассматриваемом аспекте является решение единоличного арбитра Рене-Жана Дююи по спору о ливийских концессиях транснациональных корпораций. Дело, рассмотренное в 1977 году, касалось компенсации частным компаниям, работавшим в Ливии по концессионным соглашениям, за национализированное правительством имущество. Принципиальный вопрос — применимо ли международное право к сделке о концессиях между частными инвесторами и национальным правительством. Р.-Ж. Дююи опроверг так называемую «формулу сербских долгов» (англ.: *Serbian Loans dictum*)⁶⁸, которая исключает частных лиц из сферы прямого действия международного права (как и принципы, сформулированные в делах Мавромматиса и о данцигских рабочих):

[Э]та формула не лишена двусмысленности с точки зрения рассматриваемого дела... скорее всего, она касается "правопорядка, из которого проистекает обязательная сила соглашения"... в отличие от "правопорядка, регулирующего соглашение"⁶⁹. [Более того,] в то время как прежняя практика рассматривала сделки [с участием частных лиц] как нечто, не подпадающее под международное право, поскольку они не могут рассматриваться в качестве договоров между государствами, в соответствии с новой концепцией не только лишь договоры регулируются таким правом... [Р]азличая соглашения между государствами и частными лицами и собственно договоры, первые при определенных условиях подпадают под сферу действия новой области международного права — международного права контрактов⁷⁰.

Несмотря на серьезную критику в доктрине принятого решения, оно остается одним из самых значимых примеров, подтверждающих международную правосубъектность частных лиц⁷¹. Своевольность выводов суда усиливает не только их расхождение с устоявшейся (и даже последующей) практикой, но и единоличный характер арбитражного решения.

⁶⁵ *LaGrand Case*. § 77.

⁶⁶ ICJ. *Jurisdictional Immunities of the State* (Germany v. Italy : Greece intervening). Judgment of 3 February 2012. § 93.

⁶⁷ Интересно оставленное Международным судом без замечания заключение Федерального конституционного суда Германии о том, что «публичное международное право не устанавливает индивидуального права на компенсацию за принудительный труд». Суд косвенно подтвердил презумпцию существования в межгосударственной системе прав человека без средств их защиты. Такие средства предоставляются лишь по прямой договоренности государств. См. *Ibid.* § 26.

⁶⁸ «Любое соглашение, которое не является соглашением между государствами, заключившими его в качестве субъектов международного права, основывается на внутреннем праве какого-либо государства» — еще один принцип, исключаящий частных лиц из международно-правовой сферы: PCIJ. *Case Concerning Various Serbian Loans Issued in France* (*France v. Yugoslavia*). Judgment of 16 May 1928. P. 41.

⁶⁹ International Arbitral Tribunal. *Texaco Overseas Petroleum Company and California Asiatic Oil Company v. the Government of the Libyan Arab Republic*. Award on the Merits of 19 January 1977 // *Journal du droit international*. 1996. Vol. 104. № 2. § 27.

⁷⁰ *Ibid.* § 32.

⁷¹ См. оценку решения: Orakhelashvili A. *The Position of the Individual in International Law* // *California Western International Law Journal*. 2001. Vol. 31. № 2. P. 259; Portmann R. *Op.cit.* P. 119–125; Spiermann O. *International Legal Argument in the Permanent Court of International Justice: The Rise of the International Judiciary* (*Cambridge Studies in International and Comparative Law*). Cambridge : Cambridge University Press, 2006. P. 79;

4. Непостоянства правосубъектности и отсутствие содержания

Приведенные примеры оперирования в позитивистской модальности правосубъектностью в отношении тех, кому доступ к международному праву в разные времена был заказан или же ограничен, позволяют сформулировать несколько замечаний.

Во-первых, представления о круге субъектов международного права исторически изменчивы: те, кто не мыслились самостоятельными персонами в одно время, получали безусловное признание в другое, что в свою очередь не служило гарантией против отката в последующем. Одни — субъекты международного права — с легкой руки исследователей, практиков и политиков объективировались, лишаясь правовой *самости*, а другие — прежде объекты — с неменьшей охотой персонализировались, наделялись волей и собственными интересами.

Во-вторых, круг субъектов (международного) права произволен, а знания о субъектности конструктивны. Позитивистское учение о субъектах права внешне всегда опиралось на «социальное» основание, подаваемое как объективное, предзаданное, независящее от персональной воли суверена и тем более предпочтений исследователя. В разное время такой основой служили этатистская природа международного права, воля государств, естественный порядок вещей, правовая форма⁷². Как писал Б. Латур, путем конструирования социального-фундирующего решалась задача политического представительства за счет «[растворения] многих в одном и [подчинения] одного многим»; при этом «публичное всегда фантомно, политическая персона всегда хрупка, а государство — продукт непрерывного испытания»⁷³. Через такое испытание в XIX веке прошел человек: множество реальных и потенциальных участников международной жизни были насильно растворены в субъектности государства, явленного как историческая данность⁷⁴. И во всех случаях проблема субъектности и допустимого присутствия в праве — проблема политической представленности.

В-третьих, правосубъектность лишена объективного, то есть заданного и априорного, содержания. Так, для Ганса Кельзена правосубъектность — эмпирически насыщаемая конструкция, не влекущая *per se* никаких очевидных, автоматических правовых последствий⁷⁵. Субъективные права и обязанности не являются следствием правосубъектности, а последняя не выводима с неизбежностью из таких прав и обязанностей⁷⁶. Ян Клабберс отмечал, что подлинная значимость субъектности проявляется не в правовой, а в политической плоскости, когда она обозначает тех, кто достоин признания — для реального же участия в международных отношениях необходимости в правосубъектности нет⁷⁷.

Жан д'Аспремон разоблачает *смыслоцентризм* (англ.: *meaning centrism*) международно-правового дискурса как способ осмысления реальности через международно-правовые формы, которые «постоянно отсылают к другим формам, что приводит к полному отсутствию содержания и смысла»⁷⁸. Потому и правосубъектность как любая дискурсивная форма выявляется содержательно только в свете других таких форм («объект», «источники», «акт») и отличается непрерывно ускользающим, окончательно не устанавливаемым и бесконечно меняющимся под условиями познания смыслом. Либо вовсе не располагает смыслом⁷⁹.

⁷² Динамичная картина изменений доминирующих теорий международной правосубъектности в общественно-политическом контексте по историческим периодам представлена в следующих обзорных работах: Nijman J. E. *Op.cit.*; Parlett K. *The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law*. Cambridge : Cambridge University Press. 2011; Portmann R. *Op.cit.*

⁷³ Яркий опыт исследования социальных абстракций, в числе которых идентичность и субъектность (наряду с обществом, природой, культурой), представлен в работе с говорящим названием: Lippman W. *The Phantom Public*. New Brunswick : Transaction Publishers, 1993 [1927]. См. также: учение о биополитике. См.: Фуко М. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М. : Ад Маргинем Пресс, 2022; см. учение о некрополитике: Mbembe A., Corcoran S. *Necropolitics (Theory in Forms)*. Durham : Dule University, 2019.

⁷⁴ Учение Гегеля опиралось на представления о государстве как сущности, предшествовавшей человеку и оформлявшей его бытие; человек свободен, но свобода его мыслима исключительно в государстве. См.: Portmann R. *Op.cit.* P. 47–59.

⁷⁵ Kelsen H. *La Naissance de l'État et la Formation de sa Nationalité: Les Principes et leur Application au Cas de la Tchécoslovaquie // Revue de Droit International*. 1929. № 4. P. 617–618.

⁷⁶ Idem. *Théorie du Droit International Public // Recueil des cours de l'académie de droit international*. 1953. Vol. 84. P. 67–68; Idem. *General Theory of Law and State*. Cambridge : Harvard University Press, 1945. P. 96–99.

⁷⁷ Klabbbers J. *The Concept of Legal Personality // Ius gentium*. 2005. № 11. P. 37, 56–57.

⁷⁸ Aspremont J. de. *After Meaning: the Sovereignty of Forms in International Law*. Edward Elgar Publishing. 2021. P. 60. Исследователь выделяет четыре формы международно-правового дискурса: слова, идиомы, афоризмы и тексты. См.: *Ibid.* P. 1, 10–14.

⁷⁹ Такое бегство содержания, его ускользание от исследовательского анализа и непрерывный перенос на другие, смежные формы Ж. д'Аспремон называет «переносом смысла» (англ.: *deferral of meaning*). См.: *Ibid.* P. 15.

Правосубъектность реляционна, то есть отражает динамику, взаимодействие, связи, которые, будучи непредсказуемы и нескончаемо вариативны, выстраиваются в рамках сетей взаимодействия⁸⁰. Именно такие связи «производят» то, что мы называем субъектностью, а не наоборот — когда такие связи рассматриваются как порожденные субъектностью и ею обусловленные. Потому бесполезно (и даже вредно) пытаться определить закрытый перечень свойств-маркеров субъектности. Она объясняет релятивистское соотнесение систем координат, описывающих место субъекта в своеобразной *экологии-сети* других субъектов. Потому нередко сама «субъектность» *verbatim* остается за скобками мотивировки суда, хотя дело напрямую ее и касается.

Именно в таких правовых связях разных сущностей состоит, например, правосубъектность государства. Лишенное осязаемой субстанции, государство с точки зрения международного права — распределенная среди разных акторов атрибутивная схема: будучи абстракцией, государство являет себя в жизни исключительно через других⁸¹. Любая субъектность распределена: правосубъектность одного значима в проекции правосубъектности другого⁸². Позитивистский же подход *герметичен*, когда субъектность государства объясняется через саму себя, при этом в «обусловленности», «вторичности» субъектности человека видят ее неполноценность.

Заключение

Французский философ-постгуманист Жак Деррида говорил о насилии (англ.: *violence*), порождаемом любым установлением смысла (англ.: *assignment of meaning*): «гносеологическое насилие идет рука об руку с насилием в реальной жизни, осуществляемым тогда и сейчас над не-человеческими животными и дегуманизированными социальными и политическими «другими», отличающимися от гуманистического стандарта»⁸³.

Международная правосубъектность изменчива и даже нестабильна не только исторически, но и произвольно. Международная судебная практика, подкрепленная доктриной о субъектах международного права, колеблется между полярными позициями: в разное время, а порой и в течение одного периода признает правосубъектность отдельных сущностей и так же легко отказывается им в ней, волюнтаристски выдвигает разноликие маркеры такой субъектности или вовсе, если того требует гносеологический комфорт, камуфлирует свои оценки под маской прав и обязанностей, избегая *verbatim* указания правосубъектности. Преобладающий в практико-ориентированном международно-правовом дискурсе позитивизм тому потворствует: с его претензией на объективность и эмпиричность (то есть научность) любые своевольные абстракции получают пропуск в юридическую аргументацию как истинные и априорные.

Опровержение такой истинности и заданности позитивистски правового (социального) или хотя бы формулирование сомнений на этот счет позволяет взглянуть иначе на устоявшиеся и кажущиеся неразрешимыми проблемы международной правосубъектности и даже реабилитировать в общем полезную конструкцию⁸⁴. Международная правосубъектность за рамками позитивизма — это правосубъектность, в первую очередь, по ту сторону государства, занявшего в международном праве предназначенное для человека место. Лишенная априорного содержания, правосубъектность в меньшей степени подвержена политическим спекуляциям, позволяющим управлять и угнетать. Формулирование же заданного содержания правосубъектности с ее «объективными» критериями и «социальным» содержанием — своеобразная попытка утверждения «нормальности» правовой жизни.

⁸⁰ Сеть — «связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник». См.: Латур Б. Указ. соч. С. 181.

⁸¹ См. главу II «Присвоение поведения государству» Статей об ответственности государств: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН. *Ответственность государств за международно-противоправные деяния*. Документ ООН. 56/83. 12 декабря 2001. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901941379> (дата обращения: 25.03.2023).

⁸² Интересный пример такой распределенности субъектности — конструкция *emanation of State*, используемая в практике Суда ЕС. См.: European Court of Justice. *A. Foster and others v British Gas*. Case C-188/89. Judgment of 12 July 1990. § 18, 20; *Elaine Farrell v Alan Whitty and Others*. Case C 413/15. Judgment of 10 October 2017. § 26–28, 34. См. также: Bakhtina K. *Farrell II and the Concept of an «Emanation of the State»* // *International and Comparative Law Review*. 2018. Vol. 18. № 1. P. 241–248.

⁸³ См.: Braidotti R. *The Posthuman*. Polity, 2013. P. 30 (курсив мой. — М. Л.).

⁸⁴ Кристофер Барбара метко выразил распространенное ощущение скомпрометированности категории субъектности: «...огромная проблема международно-правовой системы заключается в том, что определяющая роль отведена правовой функции — государству, а не человеку. Этот дефект усиливается в международной правосубъектности, поскольку здесь мы имеем дело с правовой абстракцией, укорененной в другой правовой абстракции — государстве!.. Невероятно проблематично иметь в центре нашего правопорядка нечто, сводимое не более чем к нашему измышлению». См.: Barbara C. *Op.cit.* P. 45.

THE POLITICS OF INTERNATIONAL PERSONALITY AND THEIR HISTORICAL INCONSISTENCY

LIKHACHEV M. A.

Maxim Likhachev — Candidate of Sciences in Law, Associate Professor, International and European Law Department, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Ekaterinburg, Russia (m.a.likhachev@gmail.com).

ORCID: 0000-0002-7848-5007.

Abstract

The author approaches the doctrine of legal personality from the point of critique of international legal positivism in its retrospective analysis. Being crucial for understanding the law and its values, legal personality is at the same time the most discredited legal notion. This is due to the preponderant position occupied by the legal positivism — a paradigm which has established the supremacy of State, reduced personality to sovereignty, and ousted the human from the international legal realm. Fighting metaphysics of *ius naturale* the legal positivism created its own mythology of sacrosanct essence — the State endowed with its own will and interests to create international law and implement it of its own choice. Thus established statist order was proclaimed natural and reasonable. Despite that the realm of recognized international legal persons has always been arbitrarily determined by those who detained power having acted in accordance with their will, interests and context to strengthen their predominant position and to oppress others. While the necessary obstacles to acquire the personality cannot be discerned. On the contrary, the international jurisprudence and history of academia demonstrate voluntaristic character of designs as to the personality is taken against the background of the general context and personal values of decision-makers. The evolutive expansion of the bearers of international personality is not linear and extensive but is geared by the generally perceived need for inclusivity when law is expected to address living beings and ordinary life. The naturalisation and biological determinism as discursive tools to substantiate abstract and voluntaristic notions of positivism engender suppression and violence. There are no predetermined international legal nature limits as to international legal personality and its beneficiaries.

Keywords

legal personality, international legal person, human, State, legal positivism, critical studies

Citation: Likhachev M. Politiki mezhdunarodnoi pravosub"ektnosti i ikh istoricheskaya izmenchivost' [The Politics of International Personality and Their Historical Inconsistency] // Zhurnal VSHÉ po Mezhdunarodnomu Pravu (HSE University Journal of International Law). 2023. Vol. 1. No. 1. P. 8–25. (In Russian).

<https://doi.org/10.17323/jil.2023.17445>

References / Список источников

- Anzilotti D. (1928) Corso di Diritto Internazionale, 3rd ed., Rome: Athenaeum.
- Anzilotti D. (1929) Cours de droit International, Paris: Librairie de Recueil Sirey.
- Aranovskij K. V., Knyazev S. D. (2016) Pravlenie prava i pravovoe gosudarstvo v sootnoshenii znakov i znachenii [The Rule of Law and the Rule of Law State within the correlation of signs and meanings], Moscow: Prospekt. (In Russian).
- Aristarkhova I. (2017) Gostepriimstvo matritsy: Filosofiya, biomeditsina, kul'tura [Hospitality of the matrix: Philosophy, biomedicine and culture], Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha. (In Russian).
- Aspremont J. de (2021) After Meaning: the Sovereignty of Forms in International Law, Edward Elgar Publishing.
- Austin J. (1832) The Province of Jurisprudence Determined, London: John Murray, Albemarle Street.
- Barbara C. (2007) International Legal Personality: Panacea or Pandemonium? Theorizing About the Individual and the State in the Era of Globalization. Austrian Review of International and European Law, vol. 12, no. 17, pp. 17–57.
- Barbosa-Fohrmann A. P., Barreto G. A. (2017) Are Human Beings with Extreme Mental Disabilities and Animals Comparable? In: Kurki A., Pietrzykowski T. (eds.) An Account of Personality. Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn, Springer.
- Bentham J. (1823) Introduction to the Principles of Morals and Law.
- Boyd D. R. (2017) The Rights of Nature: A Legal Revolution that could Save the World, Toronto: EWC Press.
- Braidotti R. (2013) The Posthuman. Polity.

- Brierly J. L. (1964) *The Law of Nations: an Introduction to the International Law of Peace*, Oxford: Oxford University Press.
- Cassese A. (2011) *Five Masters of International Law: Conversations with R-J Dupuy, E Jiménez de Aréchaga, R Jennings, L Henkin and O Schachter*, Hart Publishing.
- Chakravorti Spivak G. (2022) *Mogut li ugnetennye govorit' [Can the Subaltern Speak?]*. D. Kralachkin (transl.), Moscow: V-A-C Press. (In Russian).
- Chernichenko S. V. (1974) *Lichnost' i mezhdunarodnoe pravo [Person and International Law]*, Moscow. (In Russian).
- Chernichenko S. V. (2005) *Eshchyo raz o mezhdunarodnoi pravosub"ektnosti individov [Once again about the international personality of individual]*. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*, no. 4, pp. 11–26. (In Russian).
- Clapham A. (ed.) (2012) *Brierly's Law of Nations*, 7th ed, Oxford: Oxford University Press.
- Daillier P., Pellet A. (1994) *Droit International Public*, 5th ed., Paris: L. G. D. J.
- Esposito R. (2012) *The Dispositif of the Person. Law, Culture and the Humanities*, vol. 8, no. 1, pp. 17–30.
- Fel'dman D. I., Kurdyukov G. I. (1974) *Osnovnye tendentsii razvitiya mezhdunarodnoi pravosub"ektnosti [The trends of the international personality]*, Kazan. (In Russian).
- Gierke O. von. (1902) *Das Wesen der menschlichen Verbande*. Available at: <https://www.digitale-sammlungen.de/de/view/bsb11127177?page=20> (accessed: 25.03.2023).
- Greene R. A. (1997) *Instinct of Nature: Natural Law, Synderesis, and the Moral Sense*. *Journal of the History of Ideas*, vol. 58, no. 2, pp.: 173–198.
- Grewe W. G. (2000) *The Epochs of International Law*, Berlin; New York.
- Grotius H. (2005) *The Rights of War and Peace (De iure belli ac pacis)*, Indianapolis: Liberty Fund.
- Hall S. (2001) *The Persistent Spectre: Natural Law, International Order and the Limits of Legal Positivism*. *European Journal of International Law*, vol. 12, no. 2, pp. 269–307.
- Hart H. L. A. (2012) *The Concept of Law*, 3rd ed., Oxford: Oxford University Press.
- Hegel G. W. F. (1967) *The Philosophy of Right*.
- Higgins R. (1985) *Conceptual Thinking about the Individual in International Law*. In: *International Law: A Contemporary Perspective*. Falk R., Kratochwil F., Mendlovitz S. H. (eds.), London: Westview Press.
- Higgins R. (1994) *Problems and Process: International Law and How we Use it*, Oxford: Clarendon Press.
- Ignatenko G. V., Likhachev M. A. (2010) *Razmyshleniya o sovremennoj kontseptsii mezhdunarodnoi pravosub"ektnosti individa [Reflections on the concept of individual international personality]*. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie*, no. 4, pp. 200–212. (In Russian).
- Isiksel T. (2019) *Corporate Human Rights Claims Under the ECHR*. *The Georgetown Journal of Law and Public Policy*, vol. 17, pp. 979–1005.
- Jellinek G. (1914) *Allgemeine Staatslehre: manuldruck*, 3rd ed., Heidelberg: Springer Berlin.
- Jessup P. (1947) *The Subjects of a Modern Law of Nations*. *Michigan Law Review*, no. 45, pp. 383–408.
- Jones E. (2021) *Posthuman International Law and the Rights of Nature*. *Journal of Human Rights and the Environment*, vol. 12, (spec. iss.), pp. 76–102.
- Jones J. W. (1945) *Leibniz as International Lawyer*. *British Yearbook of International Law*, vol. 22, pp. 1–10.
- Kartashkin V. A. (1976) *Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka [International Human Rights Protection]*, Moscow. (In Russian).
- Kauffman C. M., Martin P. L. (2018) *Constructing Rights of Nature Norms in the US, Ecuador, and New Zealand*. *Global Environmental Politics*, vol.18, no. 4, pp. 43–62.
- Kauffman C. M., Sheehan L. (2019) *The Rights of Nature: Guiding our Responsibilities through Standards*. In: Turner S. et al. (eds.) *Environmental Rights: The Development of Standards*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Kelsen H. (1929) *La Naissance de l'État et la Formation de sa Nationalité: Les Principes et leur Application au Cas de la Tchécoslovaquie*. *Revue de Droit International*, no. 4, pp. 613–641.
- Kelsen H. (1945) *General Theory of Law and State*, Cambridge: Harvard University Press.
- Kelsen H. (1953) *Théorie du Droit International Public*. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, vol. 84.
- Kjeldgaard-Pedersen A. (2018) *The International Legal Personality of the Individual*, Oxford: Oxford University Press.
- Klabbers J. (2005) *The Concept of Legal Personality*. *Ius gentium*, no. 11, pp. 35–67.
- Kolb R. (1997) *Une observation sur la détermination de la subjectivité internationale*. *Zeitschrift für öffentliches Recht*, no. 52, pp. 115–125.
- Konstantin F. (2012 [1870]) *Obshchie nachala fiziologii gosudarstva [The fundamentals of the State physiology]*, 2nd. ed., Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM». (In Russian).
- Koskenniemi M. (2005) *From Apology to Utopia: the Structure of International Legal Argument*. Reissue with a New Epilogue, Cambridge: Cambridge University Press.
- Koskenniemi M. (2021) *To the Uttermost Parts of the Earth: Legal Imagination and International Power, 1300–1870*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kovler A. I. (2002) *Antropologiya prava [Anthropology of Law]*. Moscow. (In Russian).
- Kozheurov Ya. S. (2001) *Problema mezhdunarodnoj pravosub"ektnosti individa [Issues of the individual international personality]*, Moscow. (In Russian).
- Kurs mezhdunarodnogo prava [International Law Treatise] (1967)*, Moscow: Nauka. (In Russian).
- Kurs mezhdunarodnogo prava [International Law Treatise] (1989)*, Moscow: Nauka. (In Russian).
- Latur B. (2020) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the social: an introduction to actor-network-theory]*, Moscow: Izd. dom Vysshey shkoly ékonomiki. (In Russian).
- Lauterpacht H. (1947) *The Subjects of the Law of Nations*, part I. *Law Quarterly Review*, vol. 63, no. 4, pp. 438–460.
- Lauterpacht H. (1948) *The Subjects of the Law of Nations*, part II. *Law Quarterly Review*, vol. 64, no. 1, pp. 97–119.
- Le Robert Collège (1997), Paris.
- Leibniz G. W. (1989) *Codex Juris Gentium diplomaticus*. *Leibniz Political Writing*, P. Riley (ed.), Cambridge.
- Lesaffer R. (2005) *Argument from Roman Law in Current International Law: Occupation and Acquisitive Prescription*. *European Journal of International Law*, vol. 16, no. 1, pp. 25–58.
- Levin D. B. (1974) *Aktual'nye problemy teorii mezhdunarodnogo prava [The problems of international law theory]*, Moscow. (In Russian).
- Lippman W. (1993) *The Phantom Public*, New Brunswick: Transaction Publishers.
- Mazzeschi R. P. (2009) *Impact on the Law of Diplomatic Protection. The Impact of Human Rights Law on General International Law*, M. T. Kamminga, M. Scheinin (eds.), Oxford: Oxford University Press.
- Mbembe A., Corcoran S. (2019) *Necropolitics (Theory in Forms)*, Durham: Dule University.
- McCorquodale R. (2006) *The Individual and the International Legal System*. *International Law*, M. Evans (ed.), 2nd ed., Oxford: Oxford University Press.
- McDougal M. S. (1953) *International Law, Power, and Policy: A Contemporary Conception*. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, vol. 82.
- McDougal M. S., Reisman W. M. (1965) "The Changing Structure of International Law": Unchanging Theory for Inquiry, *Columbia Law Review*, no. 65, pp. 810–835.
- McDougal M. S., Lasswell H. D., Chen L. (1980) *Human Rights and World Public Order: The Basic Policies of an International Law of Human Dignity*, New Haven and London: Yale University Press.

- McDougal M. S., Lasswell H. D., Reisman W. M. (1969) *The World Constitutive Process of Authoritative Decision*. In: *The Future of the International Legal Order*, volume I: Trends and Patterns, R. A. Falk and C. E. Black (eds.), Princeton University Press.
- Mejknecht A. (2011) *Towards International Personality: The Position of Minorities and Indigenous People in International Law*, Antwerpen: Intersentia.
- Menon P. K. (1992) *The International Personality of Individuals in International Law: A Broadening of the Traditional Doctrine*. *Journal of Transnational Law and Policy*, no. 1, pp. 158–166.
- Fel'dman D. I. (ed.) (1971) *Mezhdunarodnaya pravosub'ektnost' (nekotorye voprosy teorii)* [International personality (theoretical issues)], Moscow. (In Russian).
- Modzhoryan L. A. (1965) *Osnovnye prava i obyazannosti gosudarstv* [Fundamental rights and obligations of State], Moscow: Yurid. lit. (In Russian).
- Nijman J. E. (2004) *The Concept of International Legal Personality: an Inquiry into the History and Theory of International Law*, The Hague.
- Kramar M., Sarkisov K. (eds.) (2018) *Opyty nechelovecheskogo gostepriimstva* [Experiences of non-human hospitality], Moscow: V-A-C press. (In Russian).
- Orakhelashvili A. (2001) *The Position of the Individual in International Law*. *California Western International Law Journal*, vol. 31, no. 2, pp. 241–276.
- Parlett K. (2011) *The Individual in the International Legal System: Continuity and Change in International Law*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Peters A. (2016) *Beyond Human Rights: The Legal Status of the Individual in International Law*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Peters A. (2020) *Toward International Animal Rights*. *Studies in Global Animal Law*, Berlin: Springer One.
- Pietrzykowski T. (2017) *The Idea of Non-personal Subjects of Law. Legal Personhood: Animals, Artificial Intelligence and the Unborn*, A. Kurki A., T. Pietrzykowski T. (eds.), Springer.
- Plakrouz Kh., Dzhejms L. (2022) *Tsinichnye teorii. Kak vse stali sporit' o rase, genere i identichnosti i chto v étom plokhogo* [Cynical theories. How activist scholarship made everything about Race, Gender and Identity — and why this harms everybody], Moscow: Individuum. (In Russian).
- Portmann R. (2010) *Legal Personality in International Law*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Scruton R. (2021) *Folls, Frauds and Firebrands. Thinkers of the New Left*. Moscow: Izd. dom Vyshey shkoly ékonomiki. (In Russian).
- Shurshalov V. M. (1971) *Mezhdunarodnye pravootnosheniya* [International Legal Relations], Moscow. (In Russian).
- Soirila U. (2017) *Persons and Things in International Law and «Law of Humanity»*. *German Law Journal*, vol. 18, no. 5, pp. 1163–1182.
- Spiermann O. (2006) *International Legal Argument in the Permanent Court of International Justice: The Rise of the International Judiciary* (Cambridge Studies in International and Comparative Law), Cambridge: Cambridge University Press.
- Tolstykh V. L. (2016) *Renessansnoe ponimanie dostoinstva i ego vliyanie na sovremennuyu kontseptsiyu prav cheloveka* [Renaissance understanding of dignity and its influence on modern concept of human rights]. *Pravovedenie*, no. 2, pp. 48–61. (In Russian).
- Tolstykh V. L. (2022) *Kurs mezhdunarodnogo prava* [International Law Treatise], 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian).
- Tomuschat C. (1999) *International Law: Ensuring the Survival of Mankind on the Eve of a New Century*. *General Course on Public International Law*. *Recueil des cours de l'académie de droit international*, vol. 281, pp. 133–259.
- Usenko E. T. (1983) *Sootnoshenie kategorij mezhdunarodnogo i natsional'nogo (vnutrigosudarstvennogo) prava* [Correlation of categories of international and national law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, no. 10, pp. 51. (In Russian).

Vattel E. de. (1916) *Le Droit des Gens, ou Principes de la Loi Naturelle, appliqués à la Conduite aux Affaires des Nations et des Souverains*, Washington: The Carnegie Institute of Washington.

Vilisov V. (2022) *Postlyubov'. Budushchee chelovecheskikh intimnostei* [Postlove. The future of human intimacies], Moscow: AST. (In Russian).

Walter C. (1983) *Subjects of International Law*. Max Planck Encyclopedia of Public International Law.

Weil P. (1983) *Towards Relative Normativity in International Law?* *American Journal of International Law*, vol. 77, no. 3, pp. 413–442.

Wood M. (2022) *International Law in Practice. Courses of the Summer School on Public International Law*, vol. 11, Moscow. Available at: https://iclr.ru/storage/publication_pdf/SSPIL-2020_11_Sir-Michael-Wood_1649164344.pdf (accessed: 25.03.2023).